

Суббота и воскресенье

Погода в последнюю субботу мая стояла сказочная, словно на заказ, потому что в этот день состоялось наконец открытие огромного развлекательного центра «Тридевятое царство». Он был выстроен в одном из недавно присоединенных к столице районов в чисто русском стиле — все персонажи и декорации были взяты только из русских народных сказок, а также сказок русских и советских писателей, поэтому и получил в народе название «Наш ответ Диснейленду».

Высокие гости и руководство фирмы сели в два электропоезда: «Паровозик из Ромашково» и «Голубой вагон», и поехали на экскурсию, а по дороге их приветствовали русалка, кот ученый, тридцать три богатыря, Маша и три медведя, старуха у разбитого корыта, Хозяйка Медной горы и герои других сказок. Одним словом, все, что раньше показывали только в рекламных роликах по телевизору, гости могли теперь увидеть своими глазами.

Совершив полный круг, поезда остановились снова у входа, возле которого стоял па-

вильон — большая избушка на курьих ножках, в которой за легким угощением и должна была закончиться экскурсия. Павильон был сложен из блоков пенобетона, что значительно облегчало конструкцию, а снаружи утеплен и облицован пластиком под дерево. Якобы куриные ножки были на самом деле двумя сваями — проектировщики клялись и божились, что никакого перекоса никогда не будет, тем более что массивное крыльцо тоже являлось опорой. Обрамленные ярко раскрашенными наличниками и ставнями окна были небольшими, но двускатную крышу покрыли тонированным стеклом, так что внутри было светло. А для вечернего времени предусматривалось искусственное освещение — на якобы деревянных балках висели сделанные на заказ и расписанные вручную на сказочные темы стеклянные светильники, каждый два метра в диаметре. Рассчитанный на триста посадочных мест павильон внутри был также декорирован соответствующим образом, выполненные в виде молодого месяца столы располагались так, чтобы, сидя за ними с вогнутой стороны, все гости могли видеть, что происходит на сцене. В углу была сложена самая настоящая действующая русская печь, в которой пеклись пироги, и аромат стоял одурманивающий.

Высокие гости вошли внутрь, но задерживаться не стали, а просто выпили по бокалу шампанского, поздравили владельцев Центра с успехом, пожелали всяческого процве-

тания и убыли. А тем временем два веселых поезда уже забрали первую группу гостей и отправились в путь.

Центр был разрекламирован так, что билеты раскупили до конца летних каникул, но в этот свой первый, к тому же воскресный, день он должен был работать в особом режиме. Владельцы фирмы распространили бесплатные билеты исключительно среди нужных людей, для них-то и была придумана эта сокращенная программа, чтобы охватить как можно больше народа. А чтобы не было очереди, в пронумерованных билетах указывалось время прохода в Центр, а также места в вагончиках и за столиками в павильоне.

Пока все шло по плану. Первая группа экскурсантов, проехав по Центру, заняла свои места в павильоне, чтобы отдать дань угощению, а вторая группа тем временем отправилась в поездку. Полные впечатлений дети восторженно осматривались по сторонам, на сцене выступали клоуны, между столами сновали одетые в русские народные костюмы официантки, гремела музыка. И вдруг с балки неожиданно сорвался светильник и, упав на один из столиков, накрыл собой сидевших за ним людей. Все замерли от неожиданности. Потом какой-то мужчина бросился к столику, чтобы помочь пострадавшим, но, увидев капающую на пол кровь, застыл на месте. Тут с балок сорвались еще два светильника и, упав на пол, разбились вдребезги. Павильон резко

осел на тот угол, где находилась печь, и люди вместе со столами и стульями стали съезжать в ее сторону, а те, кто стоял, попадали на пол. Началась страшная паника! Схватив детей, люди бросились к дверям, но оказалось, что их заклинило от перекоса. Крыша тоже его не выдержала, листы стекла, из которых она была собрана, с оглушительным треском лопались, и осколки сыпались на людей. Некоторые гости под градом осколков сумели добраться до окон, вышибли их и стали буквально выбрасывать наружу детей. Уши закладывало от детского плача, визга женщин, криков боли и отборного мата мужчин. Одним словом, это был ад кромешный.

К счастью, владельцы Центра предусмотрительно вызвали на всякий случай не только бригаду «Скорой помощи», но также спасателей и пожарных, и все три машины с самого утра дежурили в укромном месте, поэтому ехать им было недалеко. Поняв, что своими силами справиться не удастся, они вызвали подкрепление и приступили к работе. Завывая сиренами, к Центру со всех сторон неслись машины, в больницах срочно готовили места для пострадавших.

Так весело начавшийся праздник закончился трагедией!

Ничего не подозревавший полковник-важняк с Петровки Лев Иванович Гуров ехал этим утром на дачу к своему другу и коллеге,

тоже полковнику-важняку Станиславу Васильевичу Крячко. Жена Гурова, народная артистка России Мария Строева, была занята в вечернем спектакле, жена Стаса маялась в Москве от радикулита — перетрудилась в огороде, так что друзья могли без помех наслаждаться отдыхом. Радио что-то тихо бубнило, к чему Лев не особо прислушивался, но вдруг прозвучало:

— Мы прерываем нашу программу, чтобы передать срочное сообщение. Несколько минут назад в развлекательном центре «Тридевятое царство» произошла трагедия: обрушилась крыша павильона. На месте происшествия работают сотрудники МЧС и бригады «Скорой помощи». Имеются человеческие жертвы.

— Строители, мать их! — выругался Гуров.

Он поехал дальше, но вдруг его пронзила страшная мысль — его друг Алексей Попов должен был быть там в это время с женой и внуками, и Лев тут же схватился за телефон. К счастью, Попов ему ответил — оказалось, они были не в павильоне, а на территории.

— Лева, мы в порядке. Ты не дергайся, Степа с Ликой уже сюда сорвались.

— Понимаю, только я к вам ближе, — ответил Гуров и помчался к Центру, предупредив по дороге Крячко, что приезд отменяется.

Дорога к центру развлечений была забита машинами родственников тех, кто находился в Центре. Полиция пыталась навести хоть ка-

кой-то порядок, только это у них получалось плохо. Поняв, что ему не проехать, Гуров оставил машину и пошел к входу пешком. Предъявив полицейским удостоверение, прошел на территорию и, найдя старшего, объяснил:

— У меня здесь друг! Не в павильоне, а на территории. Я хочу вывезти его с семьей.

— Размечтался! — нервно рассмеялся тот. — Тут «Скорым» приходится через всю территорию до запасного въезда пилить, а потом здоровенный крюк делать, чтобы в Москву ехать. Мы «неотложки» сейчас именно тем путем сюда и запускаем, а то ведь не пробьются здесь.

Он ушел по своим делам, а Лев позвонил Попову:

— Леша, я здесь. Где вы конкретно находитесь?

— Лева, мы уже по дороге в Москву — один знакомый здесь неподалеку оказался. Ну а мою машину потом Степан заберет.

Успокоившись за Попова и его семью, Гуров наконец огляделся и увидел, что возле одного из спасателей, майора, стоят четверо молодых мужчин и что-то возбужденно говорят ему, а тот орет на них:

— Русский язык понимаете? Не положено! А если вас там завалит, к едрене фене? Кому за это отвечать? Мне!

— Пусть нас лучше там завалит, чем потом живьем закопают за то, что хозяина не убе-

регли! У него жена беременная! Двое детей с ними! И никого из них еще не вынесли! Может, они там кровью истекают? — орали ему в ответ.

— Командир! — тихо, но твердо произнес старший из парней. — Пойми меня правильно. Я тебя не пугаю. Просто если хозяин или кто-то из его семьи погибнет из-за того, что мы их не нашли и вовремя к врачам не доставили, нам не жить. Но и тебе тоже. Очень тебя прошу: побереги себя. Так ты нас пропустишь или нам с боем прорываться? Учти, нам терять нечего.

Майор призадумался, а Лев подошел к нему, представился и обратился к парням:

— Вы чьих же это будете? — Ответа он не получил и повернулся к майору: — Пропустите их. Пусть своих найдут — все вашим полегче будет. А чтобы вы не думали, что они мародерством займутся, я сам с ними пойду.

— Ну... — растерянно пожал плечами майор. — Тогда идите. Только каски наденьте. — Он рукой показал, где их взять. — Не дай бог, приложит вас сверху чем-нибудь по головушке. Хотя... Не в обиду вам будет сказано, товарищ полковник, но вы, кажись, и так на всю голову ушибленный, если по своей воле туда лезете.

Метнувшийся за касками парень принес пять штук, все их надели, и Лев предложил:

— Не будем осложнять спасателям жизнь. Они из дверей пострадавших выносят, а мы

через окно войдем. Кстати, возле «Скорых» кто-то из ваших дежурит? А то вдруг разминетесь?

Оказалось, что там остался водитель одной из машин, который сообщит, если кого-то увидит. Гуров вслед за парнями влез внутрь, и спасатели тут же возмущенно заорали на них.

— Мы здесь по своей надобности, мешать не будем, — успокаивающе проговорил Лев и, увидев в окно лежавшие на земле тела с закрытыми лицами, в том числе и детские, спросил у парней: — Среди трупов смотрели?

— Тьфу-тьфу-тьфу, нет там наших, — ответили ему.

Он заинтересовался кучей под столом, которая вопреки законам физики осталась на месте, хотя ей положено было съехать к печи. Лев пробрался к ней и начал осторожно стряхивать в сторону темные осколки — видимо, лист стекла с крыши упал целиком и попал одним краем на стол, а другим — на пол. И вдруг увидел ботинок из белой замши.

— Парни, какая обувь на вашем хозяине была? Случайно не из белой замши?

Парни мгновенно бросились к нему, и Гуров отошел, чтобы не мешать им. Они отставили в сторону стол, и стало видно, что на полу, лицом вниз, лежит мужчина и кого-то закрывает своим телом. Они стали его поднимать, но не смогли сдвинуть с места. ■ Оказалось, что он, сорвав кожу с пальцев и,

видимо, ногти, намертво вцепился в плитус. С большим трудом его пальцы все же удалось разжать, его подняли, перевернули, аккуратно положили в сторонке и только тогда увидели, что под ним на правом боку лежала без сознания женщина, прижимавшая к себе двух девочек, а вот в левом боку у нее торчал длинный осколок стекла.

— Господи! Только бы жива была! — простонал старший.

Он пощупал пульс на ее шее и с огромным облегчением вздохнул. Но самым ужасным было то, что перепачканные ее кровью дети были в сознании, они дрожали мелкой дрожью, постоянно икали, а глаза у них были как у затравленных зверьков. Увидев знакомые лица парней, дети дружно заплакали, а у Гурова сердце зашлось и дыхание перехватило.

— Носилки несите, — приказал старший и объяснил Льву: — Мы тут две частные «Скорые» вызвали, совсем рядом стоят.

— Какие носилки? — заорал Гуров. — Вон занавес на сцене! Срезайте его! Ты на ее ноги посмотри! Они все в крови! Она же ребенка потеряла! Пока вы копаться будете, она кровью истечет! А детей я на руках понесу!

— Твою мать! — выкрикнул тот. — Несите занавес, быстро!

Занавес сдернули, сложили в несколько раз и на одной его половине вынесли мужчину, а на другой, положив ее на правый бок, чтобы не потревожить осколок, жен-

щину, а Гуров нес перепачканных кровью девочек, которые вырывались так, что он с трудом их удерживал. Но сколько перед этим потребовалось сил, чтобы оторвать их от нее! В машинах «Скорых» над потерпевшими тут же захлопотали врачи, а старший позвонил кому-то и с огромным облегчением сказал:

— Всех нашли! Все живы! Едем в больницу! — Отключив телефон, он обратился ко Льву: — Спасибо тебе, полковник Гуров! Ты сегодня не только им, но и нам четверым жизнь спас. Будет нужда — обращайся! — Он пошарил по карманам, бумаги не нашел, тогда написал на сотенной купюре свой номер телефона и протянул ее Гурову.

— Как хоть зовут тебя? — поинтересовался Лев.

— Глеб, — ответил парень. — Луну с неба не обещаю, но мы и на земле много чего можем.

Завывая сиреной, «Скорые» рванули с места, за ними тронулись и машины парней, а Лев вздохнул и тяжело поплелся к своей. На душе было так погано, что хотелось нажраться до провалов в биографии, чтобы наутро ничего не помнить, чтобы не стояли перед глазами ряды лежавших на земле тел, чтобы не звучали в ушах крики и стоны людей. Он сел за руль, и тут силы окончательно оставили его. «Да-а-а! Старею! — с тоской подумал Лев и мысленно взмолился: — Го-

споди! Сделай так, чтобы меня к этому делу не подключили! А то ведь я, когда найду виновных, своими руками их убью!»

Приехав домой, он, к счастью, не застал там жену — Мария уже ушла в театр. Лев снял свой измазанный кровью старый костюм, который надевал только для поездок на дачу к Стасу, и засунул в мешок для мусора. Потом долго стоял под душем, чтобы окончательно успокоиться, и, решив, что у него это получилось, собрался поесть, но кусок не лез в горло. Включить телевизор ему и в голову не пришло, читать — тоже, и он, выпив снотворное, лег спать. Таким его и застала вернувшаяся домой Мария.

Звонок домофона Гуров утром услышал, но решил проигнорировать. Зря, потому что Мария его все равно разбудила — к ним пришел Орлов и уже ждал его в кухне. Генерал-майор Петр Николаевич Орлов был самым старшим в этой троице друзей и начальником управления, где служили Лев и Стас, но сначала другом, а уже потом начальником. Лев быстро оделся и прошел на кухню. Орлов, сидя за столом, мял своими короткопальными руками лицо, зачем-то подергал себя за нос картошкой, вздыхал... В общем, всем своим видом демонстрировал, как ему неловко.

— Петр! Ты что-то долго разбегаешься, — заметил Лев. — Прыгай уж!

— Лева! Ты слышал, что в развлекательном центре произошло? — спросил наконец Орлов.

— И даже видел! Я там вчера был!

— Лева, создается... — начал было Петр, но Гуров перебил его:

— Уже все понял! Межведомственная рабочая группа по расследованию этого происшествия. Так это само собой подразумевалось. Учти, если ты скажешь, что от нас в нее, как почетная затычка ко всем бочкам, включен я, то...

— И Крячко, — подтвердил Петр. — Все же знают, что вы только вместе работаете.

— Ну, знаешь! — возмутился Гуров. — Сколько можно нами все дыры затыкать? Неужели кроме нас во всем Главке никого не нашлось? Ты что, не мог стукнуть кулаком по столу и отстоять нас?

— Мог! — кивнул Орлов. — И в понедельник у вас был бы уже новый начальник. И ты даже знаешь кто — Шатров. Он спит и видит, как в мое кресло сесть, и тех, кто его туда с радостью посадит, ты тоже знаешь. Так не проще ли нам троим подать рапорта, чтобы нервы себе не мотать, и с чистой совестью в отставку?

— Ну сколько можно нас друг другом шантажировать?! — окончательно взбесился Лев.

— Пойми, я не виноват, что там хотят именно тебя, — развел руками Петр.

Хорошо зная своего друга, он предпочел мудро помолчать, пока Лев успокоится и можно будет поговорить по делу. И действительно, пока Гуров налил и включил чайник, пока доставал бокалы, ложки и сахар, его гневный настрой несколько поутих, и он уже нормальным голосом произнес:

— Петр! Какая сейчас может быть рабочая группа, когда еще ни коня, ни воза! Там, наверное, еще и завалы до конца не разобрали, и эксперты ничего не отработали. Это будет просто говорильня.

— Ну, некоторые версии мне уже озвучили, — заметил Орлов. — Во-первых, конечно же, строители. Они торопились сдать объект к намеченной дате и что-то недоделали.

— Бесперспективно! — категорично заявил Лев. — Ты помнишь, как в аквапарке «Трансвааль» стеклянная крыша обрушилась? Там жертв тоже много было, а чем все закончилось? Главного архитектора и главного эксперта Москвы суд оправдал! И никто за смерть людей не ответил!

— Во-вторых, конкуренты, — продолжал как ни в чем не бывало Орлов.

— Даже не смешно! — поморщился Лев. — Ну какие могут быть конкуренты у заведения, равного которому в России нет?

— Тогда третья версия — теракт.

— Хрень беспробудная! — отмахнулся Гуров. — Что же тогда это обрушение не устроили, когда внутри была чертова прорва на-

чальства? И городского, и областного? Так что это тоже не вариант.

— А вот давай мы вместе с тобой съездим в наше министерство к двенадцати часам и послушаем, что умного нам скажут, — предложил Петр. — Крячко я предупредил, он уже выехал. И не надо мне говорить, чтобы я только с ним туда пошел, а ты дома останешься, все же знают, что первая скрипка — ты, а не он.

Когда Лев пошел переодеваться, Петр с облегчением выдохнул — когда Гуров закусывал удила, справиться с ним было практически невозможно, даже вдвоем со Стасом. Теперь оставалось надеяться на то, что Лев ничего не выкинет прямо на совещании — Гуров терпеть не мог дураков и непрофессионалов и не считал нужным скрывать этого. В министерстве, в холле их уже ждал Крячко. Он все еще дулся на Гурова за то, что тот не к нему поехал, а помчался спасать Попова, но мудро молчал, видя, что друг не в настроении.

Совещание действительно было чисто организационным. В межведомственную рабочую группу включили представителей различных ведомств, а возглавил ее генерал-лейтенант со смешной фамилией Плюшкин. Когда он взял слово, Лев откровенно затосковал, потому что тот нес откровенную ахинею. Он распинаясь, что совершившие это преступление террористы нанесли международному престижу России колоссальный ущерб, они бросили нашей стране вызов,

который мы не имеем права оставить без ответа, и теперь все наши силы должны быть направлены... И все в этом духе.

— Идиот! — тихо сказал Лев. — Но почему он так уверенно говорит о теракте?

— Принимает желаемое за действительное. Наверное, надеется, что если раскроет дело, то станет национальным героем. Уже и новые погоны себе заказал, и дырочку под орден в кителе провертел, — язвительно прошептал Крячко.

Наконец Плюшкин выдохся, членов рабочей группы представили друг другу и постановили встретиться для разработки общего плана действий, как только появятся первые данные, а в дальнейшем собираться ежедневно для обмена информацией. Пока же решили танцевать в буквальном смысле слова от печки, то есть от допущенных при проектировании и строительстве ошибок и недочетов, которые должны были выявить изучавшие уже изъятую документацию эксперты. Как оказалось, проектировщики и руководство всех фирм, причастных к строительству павильона, уже находились под стражей. Оставлять их на свободе было нельзя — родственники пострадавших их просто растерзали бы. Но вот один из четырех совладельцев Центра, не успев, видимо, вовремя смыться за границу, находился под домашним арестом.

Выйдя из министерства, все трое, не сговариваясь, поехали к Гурову.

— Давайте решим так, — начал Лев. — Пока не появятся какие-то реальные улики, на эти ежедневные посиделки будет ездить Стас, а то, если Плюшкин опять начнет чушь молотить, я ведь не удержусь и выскажусь по полной программе.

— Лева, расскажи, что там в Центре было, — попросил Стас.

Глядя в окно и стараясь сдерживать эмоции, Гуров вкратце рассказал, что видел и делал. Орлов с Крячко слушали его молча, только желваками поигрывали, а когда он закончил, Петр спросил:

— Так кого же ты найти помог?

— Я его не знаю, но, судя по всему, это какой-то крупный криминальный авторитет. Если только его охрана не блефовала, чтобы запугать майора, то нравы в этой группировке царят даже не жесткие, а жестокие.

— Ну, тогда виновные в том, что он с семьей пострадал, на белом свете не заживутся, и смерть их легкой не будет, — заметил Стас.

— Их сначала еще найти надо, — вздохнул Лев.

Понедельник

Гуров ошибся, и на совещание в понедельник ему пришлось ехать самому, потому что не только спасатели, но и эксперты работали круглосуточно и выявили интересные факты.

Один из экспертов вывел на экран изображение павильона и наглядно показал, что произошло. Итак, в местах крепления четырех светильников к балкам были заложены точечные заряды самодельной взрывчатки, а в качестве детонаторов использовались сотовые телефоны. Три устройства сработали, а одно — нет. При относительно небольшом взрыве крепление разрушилось, и светильник упал. Дальнейшее объяснение Гуров даже не стал слушать — вес, сила ускорения, сила тяжести и так далее были не его епархией. Но вывод он понял — именно упавший возле печи светильник вызвал смещение центра тяжести павильона, который в результате осел на этот угол. Смещение также вызвало перекося дверей и конструкции крыши, что привело к ее разрушению, и листы стекла начали падать вниз. По мнению экспертов, время, когда взрывчатку заложили к креплениям светильников, определить невозможно, потому что они были смонтированы заранее, и проводка выведена наружу, сами светильники повесили за неделю до происшествия, а сотовые-детонаторы подключили в пятницу. Преступнику оставалось только позвонить на них, и цепи замкнулись.

— Могу с уверенностью заявить, что работал не профессионал, а гениальный дилетант, — подытожил эксперт. — В качестве взрывчатки он использовал смесь собственного изобретения. Сотовые телефоны были

старыми, поэтому на один из них сигнал не прошел, и светильник не упал, а мы, таким образом, получили в руки всю конструкцию.

После эксперта слово взял криминалист и доложил, что на сотовых телефонах и непосредственно взрывных устройствах были обнаружены и полные, и фрагментарные отпечатки пальцев двух человек, но ни по каким базам данных они не проходят. Потожировые следы дали возможность определить, что преступники — мужчины, группа крови у обоих вторая, резус положительный. На одном из соединений были найдены следы крови — видно, один из преступников укололся проводом, ДНК выделена, так что в случае задержания подозреваемого идентифицировать преступника будет несложно.

Выслушав все это, Гуров крепко призадумался, а вот Плюшкин принялся с пеной у рта доказывать, что это был самый настоящий теракт, преступник просто прикинулся дилетантом, чтобы ввести следствие в заблуждение. Когда Льву надоело слушать этот бред, он встал и громко сказал:

— Полковник полиции Гуров. Разрешите высказаться? — И, не дожидаясь ответа, начал говорить: — Господа офицеры! Совершенно очевидно, что это не теракт, а дело чисто уголовное. Что говорит в пользу этой версии? Исполнитель — не профессионал, что особо отметили специалисты. Он применил самодельную взрывчатку...

Продолжить ему не дали, стали перебивать, возражать, а Плюшкин почти завизжал:

— Что, полковник, одеяло на себя тянешь? На генеральские погоны надеешься?

— Если бы хотел, давно бы носил, но они мне не нужны, — отрезал Гуров. — Честь имею! — И, бросив тихонько Крячко: — Досмотри этот цирк, а потом приезжай ко мне, — вышел из кабинета.

Дома Мария, взглянув на мужа, тут же поняла, что с вопросами лучше не приставать. За ужином Лев немного успокоился и стал ждать Крячко, чтобы обсудить с ним, как они будут работать дальше — ясно же как божий день, что это покушение на убийство чистой воды. Но дождаться Стаса он не смог, потому что зазвонил его сотовый, и он, увидев, что это глава Администрации президента Олег Михайлович Александров, тяжело вздохнул — понятно, на него пожаловались, и теперь предстоит объясняться. Но он ошибся.

— Лев Иванович! Как вы понимаете, такое резонансное дело находится на контроле у Самого, и поэтому мне постоянно докладывают, как оно продвигается. Мне сообщили, что сегодня на рабочем совещании вы хотели высказать свою точку зрения, но вас не стали слушать. Если вас не затруднит, не могли бы вы немедленно приехать ко мне на Старую площадь, чтобы мы могли обсудить те выводы, к которым вы пришли. Машину за вами я вышлю.

— Конечно, Олег Михайлович, я немедленно выезжаю, — с готовностью ответил Лев, понимая, что с такой поддержкой он сможет довести расследование до конца.

Увидев, что муж бросился в спальню и стал спешно переодеваться, Мария тут же всполошилась:

— Лева! Ты куда на ночь глядя?

— В Администрацию президента, к Александру, — пояснил Лев. — Машину он за мной вышлет, а с их номерами она здесь будет уже через несколько минут. Скажи Стасу, чтобы он меня дождался.

И вот Гуров уже сидел в знакомом ему кабинете напротив Александра.

— Лев Иванович, один раз я высказал сомнение в вашей компетентности и оказался не прав, а свои ошибки я повторять не люблю. Поэтому расскажите мне, пожалуйста, свое видение ситуации, а также возможные направления расследования этого дела. Говорите подробно, время у меня есть.

Гуров сосредоточился, помолчал пару минут, потом заговорил:

— Озвученная генерал-лейтенантом Плюшкиным версия о теракте вызывает у меня большие сомнения. Первое, имея это дело политическую подоплеку, взрывы произвели бы в тот момент, когда в павильоне было городское и областное руководство, а этого не произошло. Второе, по утверждению

экспертов, подрывник не является профессионалом, но он обязательно должен обладать глубокими познаниями в самых разных областях. Подтверждением чему служит тот факт, что он изобрел взрывчатку, смастерил взрывные устройства и нашел у павильона самое уязвимое место, что и вызвало его перекос. Как бы не с высшим техническим образованием наш подрывник оказался. Но! Он использовал в качестве детонаторов старые, видимо, купленные в каком-нибудь киоске или с рук сотовые телефоны. То есть он рисковал, что какой-то из них может не сработать, а именно это и произошло — аккумуляторы-то все старые! Такие заряжай — не заряжай, а надолго не хватит! Потому-то и установил он все в пятницу. Допустим, он очень хорошо разбирается в мобильных, проверил их и устранил неисправности. Но аккумуляторы-то остались старые! А это значит...

— Он ограничен в средствах, — понятиливо покивал Олег Михайлович.

— Да! На новые телефоны у него не было денег, и он решил рискнуть, а профессионал так никогда не поступил бы. Вывод: это неорганизованная самодеятельность какого-то отдельного лица или группы лиц. Итак, что мы имеем в сухом остатке. Преступник — человек, обладающий глубокими познаниями в химии, физике и математике. Можно предположить, что в девяностые он остал-

ся без работы и очутился на улице. Найти себя не сумел, поэтому сейчас без денег. Кого он в первую очередь должен винить за свою сломанную жизнь? Властей предержавших. Но он не произвел подрыв, когда они находились в павильоне, а это значит, что политическую составляющую можно смело отбросить.

— Может быть, этот человек просто ненавидит всех, кто чего-то добился в жизни, и чужое веселье ему как нож острый? — предположил Александров.

— Тогда он мог бы устроиться уборщиком в какой-нибудь ночной клуб и подорвать его, к чертовой матери, — возразил Лев. — А его не остановило даже то, что в павильоне будет много детей. Значит, мотив у него был! Причем мотив личный! Видимо, в тот момент в павильоне находился человек, которого он считает своим смертельным врагом и личность которого предстоит выяснять. Это может быть человек, обанкротивший предприятие, где он работал. Врач, сделавший неудачную операцию близкому ему человеку. Человек, сбивший насмерть на своем автомобиле кого-то из его родных и не понесший за это наказания. Список можно продолжать до бесконечности.

— То есть вы полагаете, что хотели убить какого-то конкретного человека и ради этого положили столько ни в чем не повинных людей? — Лицо Александрова окаменело.

— Лист прячут в лесу, Олег Михайлович! — жестко ответил Гуров. — Я не знаю, сколько человек уже погибло и сколько еще умрет в больницах, но мне хватило и тех трупов, которые я видел на земле возле павильона. Я буду искать этого подонка день и ночь и не успокоюсь до тех пор, пока не найду!

Они немного помолчали, чтобы успокоиться, и Александров спросил:

— Значит, вы хотите сначала вычислить жертву и уже через нее выйти на преступника?

— Да, Олег Михайлович, хотя сейчас это будет очень трудно сделать — людям ни до чего: у них или похороны, или больницы. К тому же у людей этого круга врагов столько, что о существовании некоторых из них они могут даже не подозревать. Но это будет все-таки легче, чем искать преступника среди рабочих, а там точно был если не он сам, то его сообщник. Большая часть рабочих на таких стройках — нелегалы, у которых нет регистрации, и работали они без оформления, их сейчас уже днем с огнем не сыщешь. Тем более что строители, завершив свою часть работы, переходили на другой объект, а им на смену приходили другие. Но у нас есть отправная точка — сотовые-детонаторы были подключены в пятницу. В этот день преступник обязательно был в Центре. Нужно выяснить, кто из рабочих находился на объекте, и очень предметно с ними побеседовать.

— Но преступник откуда-то должен был точно знать, что его враг находится в павильоне, — напомнил Олег Михайлович.

— С тех пор как появился Интернет, люди лишились права на личную жизнь, что уж тут говорить о компьютерной базе какой-то фирмы? А преступник наш с физикой и математикой знаком не понаслышке. Нужно будет выяснить, не было ли там информации о том, кому конкретно раздавались приглашительные билеты. Пусть умельцы посмотрят, не взламывали ли базу, откуда это сделали и когда. Конечно, могут появиться и другие проблемы, но их будем решать по мере поступления.

— Насчет билетов я вам и сам могу сказать. В Администрацию их принесли в одном конверте тридцать штук, на субботу и воскресенье, на разное время. Я позвонил Попову, он подумал, посоветовался с женой и выбрал себе билет на субботу, на самое раннее время, а остальные я отдал Митрофанову — он у нас такими делами занимается. Сейчас его на месте нет, но завтра утром он подготовит вам список сотрудников, которым раздал билеты, — объяснил Александров и, подумав, предложил: — Давайте решим так. Рабочая группа будет отрабатывать версию теракта, хотя, после того, что вы мне рассказали, она представляется сомнительной, а вы займитесь своей версией.

— Хотелось бы, чтобы полковник Крячко остался в составе рабочей группы, мне нужно

оперативно получать через него свежую информацию, — попросил Лев.

— А зачем? — усмехнулся Александр. — Вы будете получать ее одновременно с ними, а может быть, и раньше. — Он вдруг вздохнул: — Эх, Лев Иванович! Насколько все было бы проще, будь вы генералом! Я назначил бы вас руководителем рабочей группы и...

— И я тут же погряз бы в отчетах, согласованиях, разборе межведомственных склок и так далее. На ковре бы перед вами за чужие ошибки отдувался! Простите, что перебил, но нет, Олег Михайлович! Меня и моя работа с должностью и званием вполне устраивают!

— Лев Иванович! Вы не опер, а очень хороший аналитик. И это не лесть, а констатация факта. Вот и занимайтесь этой работой, а бегать ножками предоставьте тем, у кого это лучше получается, хотя бы в силу возраста. Кандидатура Степана Савельева вас устроит?

— Более чем, — выразительно произнес Гуров. — Но ведь ему тоже не разорваться.

— Ну, зачем вам знать, сколько и каких людей он будет привлекать к работе? — усмехнулся Александр. — Вы ставите задачу, а он находит способ ее решения.

— Мне кажется, что господин Савельев сделал в неведомой мне организации гораздо более успешную карьеру, чем та, какая ждала бы его в полиции, — заметил Лев.

— Просто мы умеем ценить умных, смелых, инициативных и исполнительных людей, — невозмутимо ответил Александров. — Я сейчас дам команду, и Степан свяжется с вами, может быть, даже сегодня вечером. А вы пока подумайте, что и как нужно будет еще сделать. Я полагаю, его полномочий для решения ваших задач должно хватить. Если же нет, обращайтесь непосредственно ко мне, и любая помощь будет вам оказана незамедлительно. Желаю удачи. Да, кстати, машина вас ждет.

Приехав домой, Гуров увидел дремавшего в кресле перед телевизором Крячко, а Мария занималась своими делами — люди свои, давно знакомы, занимать гостя беседой не обязательно. Растолкав Стаса, Лев отвел его на кухню и пересказал ему свой разговор с Александровым. Тот озадаченно почесал в затылке:

— А ты уверен, что мы вдвоем эту ночь потянем? Вот был бы ты руководителем рабочей группы и тогда только указывал бы пальчиком, кому в какую сторону бежать, а сам...

— Бежал бы следом и перепроверял за ними! — язвительно закончил Гуров. — Нет уж! Если хочешь что-то сделать хорошо, делай это сам! Да и потом, нам в помощь Степана дают, так что потянем!

И, словно услышав, что речь идет о нем, позвонил Савельев:

— Лев Иванович, я уже более-менее в теме, но давайте я к вам утром приеду, а то я уже дома и до вас доберусь только ночью. Зато в качестве извинения привезу кое-какие материалы — мне их обещали срочно отсканировать.

— Хорошо, жду тебя завтра утром с подарками, — согласился Гуров.

— Степка? — спросил Крячко и усмехнулся: — Тот еще оторва! Он даже мне форы даст и обгонит.

И действительно, этот парень прошел суровую школу выживания сначала под руководством своего соседа, вора-рецидивиста Василия Зимина по кличке Шурган, а потом на Северном Кавказе, где служил в войсковой разведке и откуда вернулся домой с правительственными наградами. Несмотря на то что его отец, Николай Степанович Савельев, был не самым последним российским олигархом и ворочал миллионами отнюдь не рублей, Степан в удовольствиях жизни не погряз. Отдав им должное, он занялся настоящим мужским делом: служил сначала в полиции Новоленска — это в Якутии, потом в Москве в группе Гурова, а сейчас вот стал не самым последним человеком в неведомой Льву секретной службе, подчинявшейся кому-то на самом верху. И то, что его туда устроил тесть, ни о чем не говорило — будь Степан бестолочью, Попов пальцем о палец не ударил бы, чтобы ему помочь, а уж к сво-

ей дочери на пушечный выстрел не подпустил бы.

— Но вот где мы штаб-квартиру устроим? — озадаченно спросил Стас. — На Петровке нельзя. Там у нас столько заклятых друзей, что утечку информации устроят на раз-два, чтобы нам подгадить.

— Ничего, Степан что-нибудь придумает. Ты предупреди Орлова, что нас с утра не будет, и приезжай сразу ко мне. Дождемся Степана, все обговорим, и за работу.

— Петра в подробности посвящать будем?

— Конечно, нет, — категорично заявил Гуров. — После моего демонстративного ухода с совещания, да еще если ты на них больше ходить не будешь, Плюшкин поймет, что мы ведем альтернативное расследование, и за Петром станут бдить изо всех сил. И с просьбами мы к нему обращаться не будем, потому что по ним легко выяснить направление, в котором мы двигаемся. Но это не проблема, как я понял, через Степана «вся королевская конница и вся королевская рать» будут в нашем распоряжении. Главное, самим не оплошать.

Вторник

Утром Гурову позвонил Савельев и сказал, что он и Крячко ждут его внизу — незачем мешать Марии. Спустившись, Лев действительно увидел их возле подъезда и спросил у Крячко:

— Ты Орлова предупредил? — Тот кивнул. — Ну и что он сказал?

— Горбатый, могила, лопата! Что же еще? — хмыкнул Стас.

— Значит, благословил! — сделал вывод Лев и перешел к делу: — Степан, у нас есть одна проблема...

— Уже знаю, — улыбнулся Савельев. — Предлагаю свою городскую квартиру. Дом в тихом центре, на охраняемой территории, охранник на входе, замки в двери надежные, а в самой квартире есть сейф. Заберу у жены и тестя ключи, вот и будет у каждого по комплекту. Думаю, вам подойдет.

— Сказочно хорошо, — обрадовался Лев.

— Ну, тогда прошу вас следовать за мной, — предложил Степан и пошел к своим «Жигулям», потрепанным на вид, но имевшим мощнейшую начинку, в чем Лев уже имел возможность убедиться.

Гуров и Крячко, каждый на своей машине, отправились вслед за Савельевым. Как он и говорил, эта элитная многоэтажка серьезно охранялась, так что Степану пришлось на въезде оформить пропуска на неопределенное время для сыщиков. В подъезде тоже сидел охранник при оружии, и там эта процедура снова повторилась. Квартира Степана находилась в пентхаусе, металлическая дверь была сделана из бронебойной стали, а замки оказались швейцарскими и, по утверждению специалистов, взлому не поддавались.

— Ну, я пойду чай приготовлю, а вы пока осмотритесь, что и как — вам же тут не один день работать, — предложил Степан, когда они вошли.

Лев и Стас отправились на экскурсию и, осмотрев все, вернулись в совмещенную со столовой кухню, где на столе уже стояли бокалы со свисавшими из них ярлычками дорогого чая, в вазе лежали даже на вид каменные сушки и несколько штук овсяного печенья.

— Все, чем богат, — развел руками Степан. — В морозилке, правда, есть пельмени, но это на обед.

— Да-а-а! — окинув взглядом скромное угощение, заметил Крячко. — С завтрашнего дня будем спасаться самостоятельно, как и заповедовали классики.

Чай они пили впустую, потому что зубы — не волосы, новые не вырастут, а сломать свои об эти сушки было проще простого.

— У меня в дипломате ксерокопии всех документов, что на сегодняшнее утро были у рабочей группы. Я уже просмотрел их, но ничего для нас полезного там нет. Если хотите, позже сами почитаете, — сказал Степан. — Ваш выход, Лев Иванович.

Гуров начал рассказывать ему, к каким выводам пришел, а тот внимательно его слушал.

— Итого, суммируя и обобщая. Первое направление — мы ищем жертву, ради убий-

ства которой и было совершено это преступление. Как мне сказал Александров, в Администрацию принесли тридцать билетов, которые уже там распределялись... — Вдруг Лев похолодел, потому что до него дошло то, на что вчера он не обратил внимания. — Степа, а почему твой тесть, у которого был билет в первую группу гостей, не попал в павильон?

— Они просто опоздали к своему времени из-за аварии на въезде в Москву, вот и попали во вторую группу — тесть договорился, — объяснил Савельев. — Когда там это все случилось, он позвонил мне, я связался со своими ребятами, выяснил, кто из них был ближе всего к Центру, и отправил его за своими. Он приехал туда, козырнул удостоверением, прошел внутрь и вывез моих. Если бы я верил в Бога, то решил бы, что это он их уберег, а так — просто счастливый случай. — Степан немного помолчал — уж очень болезненными были эти воспоминания, а потом спросил: — На чем мы остановились?

— Нам нужен полный поименный список жертв, как погибших, так и раненых. Уберем оттуда артистов и обслуживающий персонал и будем отрабатывать только гостей на предмет их смертельных врагов, да и вообще, на них потребуется самая полная информация. И с работниками Центра, кто в живых остался, надо предметно побеседовать — вдруг заметили что-то подозрительное в субботу или накануне.

— Списки раненых и погибших уже есть, и их сейчас обрабатывают, пока по документам и досье. Если появится что-то интересное, мне сообщат, и тогда мы будем работать уже целенаправленно по конкретным фигурантам, — сказал Степан.

— Теперь по строителям, — продолжил Лев. — Это, конечно, головная боль, но заниматься все равно надо.

— Их поиском, и вообще всех, кто бывал на стройке, занимаются ФСБ, миграционная служба и полиция. Хвосты им накрутили так, что они всех выявят и никого не пропустят — они же среди них террориста искать будут. Ну а мы, получив эти данные, сможем их с пользой для себя употребить. Что еще?

— Компьютеры фирмы нужно изъять, если их еще не прибрала к рукам конкурирующая сторона... — начал Гуров, но Степан перебил его:

— Сервер фирмы еще в пятницу накрылся медным тазом с громким звоном — кто-то запустил туда вирус, и вся информация исчезла. Сайт фирмы тоже. Тот, кто совершил эту диверсию, запутал свои следы так, что найти будет непросто.

— Значит, у нас остаются только бумажные носители и свидетельские показания, — вздохнул Лев.

— Офис фирмы опечатан, установлен полицейский пост, но это не проблема. Только после того, как документацию изъяли, там

остался такой кавардак, что без кого-нибудь из работников нам в нем не разобраться. Поэтому предлагаю сейчас поехать к Владыкину — это один из совладельцев фирмы, и он под домашним арестом. Узнаем у него, в какие организации отдавали приглашительные и в каком количестве, кто занимался непосредственно их отправкой и так далее. А уже там на месте будем выяснять, кому были розданы билеты.

— Зачем это все? — удивился Стас.

Савельев долгим укоризненным взглядом посмотрел на Крячко, а Лев решил не ждать, когда до того дойдет, и объяснил сам:

— Мы не знаем, сколько билетов было заказано в типографии и сколько распределено. В типографии могли напечатать лишние, чтобы взять себе или продать. Да и на фирме кто-то мог стащить. Потом этот билет вручается нужному человеку, тот приходит в Центр, погибает, а при проверке выясняется, что он сотрудник фирмы X, но это не вызывает подозрений, потому что туда билеты отправлялись официально.

— Но преступник должен был точно знать, что нужный ему человек в павильоне, — не унимался Крячко. — А вдруг он, как Попов, опоздает и войдет со второй группой? Вдруг он заболел и вообще не приехал в Центр. Этот суперпрофи даже к видеокамере наблюдения, которая наверняка была внутри павильона, подключиться не мог, потому

что компьютерная сеть накрылась. Это во-первых. А во-вторых, откуда у преступника была гарантия, что человек точно погибнет? А вдруг ему удастся спастись?

Лев со Степаном переглянулись, и Гуров торжественно проговорил:

— Стас! Ты — гений! — Он повернулся к Савельеву: — Все было для отвода глаз! И перекос павильона, и все прочее! Был точно рассчитан один-единственный удар по конкретному человеку, а все остальное — отвлекающий маневр.

— Но для этого преступник должен был точно знать, где этот человек будет находиться, — заметил надувшийся от гордости Крячко.

— На билетах был указан номер столика, — напомнил Степан.

— Ничего! Самое главное, что с основным направлением мы определились, а остальные проблемы будем решать по ходу дела, — с облегчением сказал Гуров. — Но с каким же изощренным и извращенным умом мы столкнулись!

— Господа офицеры! По коням! — Степан поднялся со стула. — Нам нужно к Владыкину! Предлагаю всем ехать на моей машине — если что-то важное узнаем, на обратном пути сможем обсудить.

До дома Владыкина в одном из коттеджных поселков Подмосковья они добрались быстро. Из стоявшего недалеко от его ворот

«уастика» ППС доносились музыка и мужской смех, который, однако, тут же стих, когда из «Жигулей» вылезли неожиданные гости. Один из полицейских выпрыгнул из машины и, поигрывая дубинкой, направился к ним.

— Не положено! — хамским тоном заявил он, но, увидев удостоверения Гурова и Крячко, завял и скромно удалился.

Степан нажал кнопку звонка и не отпускал ее до тех пор, пока за калиткой не раздался раздраженный женский голос:

— Чего вам от нас еще надо?

— Полиция! Нам надо поговорить с вашим мужем.

— А вы еще не наговорились? — скатываясь в истерику, почти взвизгнула та.

— Хотите маски-шоу посмотреть? — заинтересовался Савельев. — Вызвать недолго.

Калитка открылась, и они увидели довольно молодую женщину с темными кругами под глазами и изможденным лицом. Они предъявили ей свои удостоверения, и она обреченно вздохнула:

— Проходите. И решите уже что-нибудь, потому что дальше так жить невозможно. Детей мама к себе забрала, от греха подальше, а прислуга сама разбежалась — испугалась, когда нас громить приехали. Так что мы с мужем в доме вдвоем. И сил моих уже больше нет! — заплакала она. — Знали бы вы, что нам по телефону говорили! Как и чем угрожали! Я уж и выключила их все, а сама боюсь нос

из дома высунуть. Пойдемте, только я представления не имею, как вы с ним будете разговаривать, он пьет постоянно. И оставить его одного я здесь не могу, тогда он точно погибнет.

Они вошли в небольшую комнату на первом этаже, где на диване в одних трусах лежал и спал беспробудным пьяным сном мужчина лет тридцати пяти — сорока, всклокоченный, небритый, потный.

— Он сегодня что-нибудь ел? — спросил Степан, и женщина покачала головой. — Уже лучше! Где у вас тут ближайшая ванная?

— Наверху, но тут в кухне есть большая мойка.

— Замечательно! Сейчас будем вашего мужа очеловечивать! — Савельев повернулся к Гурову и Крячко: — Чего стоим? Понесли!

Даже не пытаясь скрыть отвращение, они втроем дотащили Владыкина до кухни, где бесцеремонно засунули голову пьяного под сильную струю холодной воды. Ждать пришлось долго, но наконец мужчина стал подавать признаки жизни, то есть сопротивляться, что-то бессвязно бормоча. Подержав его под этим своеобразным душем еще минут пять, Степан сказал женщине:

— Поставьте стул вон туда в угол, чтобы он не упал, когда мы его посадим.

Плюхнувшись на стул, Владыкин оглядел их пьяным, бессмысленным взглядом, но по сравнению с тем, что было, чувствовался

прогресс. Савельев достал из внутреннего кармана пиджака футляр, а из него большую ампулу. Отломив горлышко, он запрокинул голову Владыкина, отчего его рот открылся, и вылил в него из ампулы какую-то желтоватую жидкость, а потом сказал женщине:

— Дайте стакан обычной воды! — И, когда та его принесла, сунул его в руки Владыкина: — Пей, алкаш!

Мужчина охотно взял стакан, но, выяснив, что это всего лишь вода, отбросил его, и тот разбился. Он попытался встать, но у него ничего не вышло по двум причинам: во-первых, ноги не держали, хоть он и цеплялся за стоявший рядом стол, а во-вторых, хлесткая затрещина, которую он получил от Степана, мигом вернула его на место. Тут до Владыкина наконец дошло, что все это вьявь и всерьез, а не снится ему, и второй стакан он выпил уже безропотно.

— Степа, что все это значит? — спросил Лев.

— Отрезвин. Очень действенная штука, — спокойно пояснил парень, убирая ампулу обратно в футляр, а его в карман.

На собственном опыте знавший, что на вооружении у Степана и его людей есть медикаменты, о существовании которых, наверное, даже врачи не догадываются, Гуров углубляться в этот вопрос не стал, а поинтересовался, когда будет результат и надолго ли его хватит.

— Поскольку желудок у него пустой, подействует минут через пятнадцать. Потом где-то с полчаса с ним можно будет разговаривать, а затем он вернется в первоначальное состояние и вырубится.

Они устроились на стульях вокруг Владыкина и молча ждали, когда подействует лекарство. А вот женщине явно нужно было выговориться:

— Вы знаете, а Илюша раньше почти не пил, только шампанское по праздникам. Эта трагедия его почти убила, он все никак не мог поверить, что это их вина — они же и проект самому лучшему архитектору заказали, и сами постоянно на стройку ездили, все проверяли. И Володя Шатунов, это их начальник службы безопасности, там каждый день был, следил, чтобы и материалы не разворовали, и посторонних на объекте не было.

— А какие-нибудь координаты Шатунова у вас есть? — тут же спросил Гуров.

— Конечно, — подхватила женщина и, достав из кармана сотовый, нашла в нем нужные номера, которые Лев переписал себе, а Степан, глядя ему через плечо, просто запомнил.

— Скажите, а вы случайно не знаете, в какой типографии они пригласительные билеты на субботу и воскресенье заказывали? — продолжил Лев.

— Они не хотели ни от кого зависеть, вот и купили себе мини-типографию.

— А почему он не уехал, как остальные? — спросил Крячко.

— Понимаете, Юра Мелентьев, Гриша Аникин, Антон Калачев и Илюша — друзья с самого детства, в одном дворе выросли, в одном классе учились. Они свой бизнес с нуля начинали — удобрениями торговали, сначала на своих машинах заказы развозили, а потом постепенно поднялись, все нормально было. И тут они этот грандиозный проект задумали, все свои деньги в него вложили, кредиты сумасшедшие взяли, инвесторов привлекли. И все бы у них получилось, если бы... Когда это произошло, Гриша Илюше позвонил и сказал, чтобы тот немедленно срывался, что они в аэропорту его ждут, а муж отказался. Он был уверен, что они ни в чем не виноваты, и полиция с экспертами во всем разберутся и докажут это. Они его уговаривали, говорили, что истинных виновников никто искать не будет, а повесят все на них, но он им не поверил. А потом начался этот кошмар... И Илюша сорвался.

— Откуда же в доме столько спиртного, если он не пьет? — удивился Стас.

— У нас годовщина свадьбы была. В воскресенье, — дрожащим голосом ответила женщина. — Хотели собраться все вместе, чтобы сразу два праздника отметить: и этот, и открытие Центра.

— Всем тихо — Владыкин приходит в себя, — сказал Степан и похлопал Илью по

щеке: — Ну, все! Хватит! Открывай глаза! Я же вижу, что ты уже вменяемый! Открывай по-хорошему, а то сейчас врежу!

Владыкин тут же открыл глаза, его взгляд еще не был до конца осмысленным, но уже и не мутно-пьяным.

— Предупреждаю, у нас полчаса, — напомнил Степан.

— Илья, — начал Гуров. — Ваша компьютерная сеть больше не существует, вся информация исчезла. Нас интересует только то, что существует на бумажных носителях или свидетельские показания сотрудников. Вопрос первый: сколько было отпечатано пригласительных билетов на субботу и воскресенье?

— Два дня по пять экскурсий. Триста человек в каждой. Всего три тысячи билетов. Все пронумерованы, — медленно проговорил Владыкин.

— Бракованные и пробные экземпляры куда девали?

— Шредер. Мы не могли рисковать. Слишком важные гости. Посторонних не должно было быть.

— Где они хранились?

— У Юрки в сейфе. Он этими вопросами занимался.

— В какие организации были отправлены пригласительные билеты?

— Принеси мой ноут, — попросил Илья жену, и она мигом умчалась.

— Кто занимался непосредственно распространением билетов?

— Лариса Артамонова.

— Как именно отправлялись приглашительные?

— Курьер, имя не знаю. Спросите в отделе кадров. Ольга Васильевна. Пономарева. Или у секретарши. Люба Светлова.

— Илья! Сосредоточьтесь, пожалуйста! Вспомните, какие-нибудь происшествия на стройке были? Попытки украсть материалы? Бомжи? Просто посторонние, которые зашли поглазеть?

— Это к Шатунову. Но что-то такое было. Кажется, несчастный случай.

Прибежала его жена и принесла ноутбук. Она хотела отдать его мужу, но Степан забрал его.

— Еще уронит, чего доброго. Пароль? — спросил он у Ильи.

— Танечка, — тихо ответил тот, и его губы чуть тронула улыбка.

— Нашу дочку так зовут, — объяснила женщина.

— Где искать?

— Разбирайтесь сами, — слабо махнул рукой Илья. — У меня еще диски с рабочими материалами есть. Жена отдаст. Мне теперь все равно. Все рухнуло. Мы на такие бабки попали! — простонал он.

— Да будь же ты мужиком! Умей держать удар! — заорал на него Степан. — Ты жив!

Жена! Дети! По сравнению с этим все остальное — тьфу и растереть! Бабки, видите ли! Люди своих родных потеряли! Это горе! Это беда, которую невозможно пережить! А ты мне про бабки! И кончай пить! Посмотри, до чего жену довел! Она уже на человека не похожа! И ведь не бросила тебя, пьянь беспробудную! Возилась с тобой! Так ты хоть ради нее! Ради детей себя в руки возьми!

Илья заплакал, а Савельев попросил женщину принести диски, и она убежала, а вернувшись, попросила:

— Помогите мне его положить, а то я одна не справлюсь.

Сцепив зубы, они отволокли Владыкина на тот же диван, и, когда собрались уходить, Степан предупредил женщину:

— Если вас будут спрашивать, что мы тут делали, скажете, что пытались поговорить с вашим мужем, но он пьян настолько, что, как мы с ним ни бились, у нас ничего не получилось.

— Но он же протрезвел!

— Это был временный эффект. Организм на короткое время мобилизовал все свои силы, поэтому мы смогли с ним поговорить, но сейчас он снова пьян и, когда проснется, даже не вспомнит о том, что было.

— А он от этого не умрет? — испуганно спросила она.

— От этого, — выразительно произнес Савельев, — нет! Но вот если не перестанет

пить, то к нему скоро прискачет веселая, пушистая «белочка», и дело закончится наркодиспансером.

Забрав ноутбук, который Стас спрятал под пиджак, и расовав по карманам диски, они вышли на улицу, где под пристальными взглядами полицейских сели в «Жигули» и уехали.

— Да-а-а, сломался мужик! — презрительно произнес Савельев. — Видно, жизнь его раньше по маковке не прикладывала.

Когда они были на полпути к Москве, Гурову позвонил Орлов:

— Лева, у меня не очень хорошие новости. Мне только что сообщили, что приказом Плюшкина тебя и Крячко вывели из состава рабочей группы за несанкционированную им деятельность, а вместо вас включили Шатрова и Богданова. Что вы уже натворить успели?

— Петр, мы всего лишь съездили к Владыкину — это один из совладельцев фирмы, чтобы с ним поговорить. Но он ушел в запой, и сколько мы ни старались, он даже «агу» связно сказать не смог, — бестрепетно соврал Гуров.

Отключив телефон, он сообщил о замене, и Савельев хмыкнул:

— Кажется, мой счет к Плюшкину растет прямо-таки в геометрической прогрессии.

Вернувшись в Москву, они поставили вариться пельмени — очень хотелось есть. Им ■

предстоял долгий, переходящий в ночь вечер напряженной работы, о чем они тут же предупредили своих жен — чего женщин зря нервировать, им с ними и так трудно приходится.

Пужинав, заварили себе по большому бокалу крепкого сладкого чая и распределили обязанности: Лев читал лежавшие в дипломате документы, Степан копался в ноутбуке Ильи, а Стас просматривал его же диски с рабочими материалами на компьютере Савельева. Они договорились друг друга от дела не отрывать, а отмечать то, что покажется перспективным, чтобы потом всем вместе посмотреть и обсудить. Конечно, Гуров предпочел бы сделать все сам, но понимал, что сил, по крайней мере сейчас, у него на это не хватит, и решил, что потом все посмотрит. Разойдясь по разным комнатам, чтобы не мешать друг другу, они приступили к работе.

Среда. Утро

Крячко уснул в компьютерном кресле — он просто, как ему показалось, на минутку прикрыл глаза, а вот открыть их уже не смог. Гуров уснул, положив голову на руки, а их — на бумаги. Мало того что они провели ночь в ненормальных условиях, так еще и пробуждение их радостным не было. Ну какая может быть радость от раздавшегося из каби-